

— Есть одно условие.

Ответ депутата Хан Чхоль Сына, который внимательно слушал, оказался для него неожиданным.

— Надо отгадать загадку, которую я задам. Тогда я серьёзно рассмотрю предложение заместителя директора.

Кан Ха Джун решил, что отказаться нельзя. Он уже передал депутату полезную информацию, которая могла помочь тому укрепить свои позиции, и если её использовать, Хан Чхоль Сын смог бы ещё сильнее закрепиться.

Однако тот вёл себя так, будто само применение информации зависело от того, как проявит себя Кан Ха Джун.

— Что нужно разгадать?

— Ничего сложного. Попробуйте угадать, что для меня важнее всего.

На первый взгляд — просто, но раз речь шла о личном мнении самого Хан Чхоль Сына, это превращалось в трудную загадку.

— Подготовь сведения о депутате Хан Чхоль Сыне.

— Понял.

— И ещё...

Кан Ха Джун собирался что-то сказать, замолчал и снова открыл рот:

— Освободи время на обед в пятницу.

— У вас назначена встреча с Хён Чжэ Ха, перенести?

— Так и сделай.

— Понял.

Секретарь отметил изменения в планшете и вышел из кабинета. Оставшись один, Кан Ха Джун откинулся на спинку кресла и вспомнил последние слова депутата:

«Посмотрите на результаты дел, которые вы сами начинали. Там и найдёте ответ».

Как и ожидалось, Кан Ха Джун больше не появлялся.

— Впрочем, неудивительно. Это же не место, которое он любит.

Для них с бабушкой это заведение было родным, но для Кан Ха Джуна — нет.

— Такой уж «воплощение чистоплотности» сюда не заглянет.

Рука, энергично вытирающая стол, постепенно замедлилась. От собственных слов на душе стало тяжело, будто камень положили.

— Вот чёрт... У меня своих забот хватает, а я ещё о ком-то переживаю.

Вздыхнув, Ын Юль тяжело опустился на стул. Он знал, почему Кан Ха Джун страдал манией чистоты, и от этого не мог чувствовать себя спокойно.

В детстве отец бросил его, и он жил в полуразвалившемся доме. По ночам засыпал под звуки ползающих тараканов и бегавших крыс, днём шатался по грязным переулкам. Стоило кому-то из хулиганов, что проходили мимо, не понравиться его взгляд — и он получал побои. В школе же его попросту не замечали, словно был прозрачным. Всё это началось после смерти матери, единственной, кто его защищал.

— Если подумать, главный герой ведь тоже жалкий. Что плохого в том, чтобы родиться в нормальной семье, хорошо питаться, встретить красивую половинку и жениться? Почему роман не может течь спокойно? Зачем автору так жаждать испытаний?

В конце концов Ын Юль швырнул тряпку и взъерошил волосы. Больше всего раздражало то, что он знал всё о тяжёлом прошлом Кан Ха Джуна. В том, что его жизнь превратилась в хаос, была и его вина, но часть ответственности лежала и на Кан Ха Джуне, который действовал без пощады. Однако ненавидеть его полностью он не мог — и именно это было проблемой.

— Хватит. Всё равно он больше не придёт, нечего думать. У меня есть Ха Ныль — и этого достаточно. Да ещё ругливая лиса-бабушка и сын в кроличьей маске. Никакой нужды ненавидеть его.

Если бы он тогда не появился в таком жалком виде, бабушка Лим Бон Су никогда бы его не приютила.

Дверь в лавку отворилась, и Ын Юль поспешно схватил тряпку. Инстинктивная реакция — вдруг бабушка решит, что он бездельничает. Но звуков брани не последовало, и он понял, что это посетитель. Натянул улыбку для клиентов.

— Добро пожаловать. Садитесь, где удобно...

Фраза не успела слететь с губ. В горле застряли слова.

Они встретились взглядом с Кан Ха Джуном. Ын Юль судорожно сглотнул и опустил голову. В мыслях кричал: «Что он опять тут делает?!» — и быстро осмотрел пол, проверяя, не пришёл ли кто-то вместе с ним. Но кроме одной пары обуви никого не было.

Стук его шагов отзывался в такт сердцу Ын Юля. Каждый звук, даже то, как он отодвинул стул, слышался слишком отчётливо. Руки, сжимавшие тряпку, то ослабевали, то вновь срывались в судорожный хват.

Почему именно сейчас? Когда в кафе никого нет.

— Э... бабушка ушла за покупками, а после обеденного перерыва посетителей тоже нет...

— Дайте хэчангкук.

— Сейчас же перерыв, так что вряд ли получится подать еду...

Ын Юль пробормотал извинения, намекая: «Приходите в другой раз». И одновременно взглянул на реакцию собеседника.

— Не знал, что у вас есть перерыв. Кажется, и в прошлый раз я приходил в это время...

— Э-э, ну...

Конечно, никакого перерыва у них не было. Просто бабушка ушла доигрывать в карты, а постоянные завсегдатаи тоже отправились посмотреть.

— Вы ведь только что пригласили меня.

— Хотел спросить, не желаете ли присесть, подождать и потом поесть. У нас пожилые часто приходят и используют это место как гостиную.

— Тогда я тоже подожду.

— Н-нет, я не это имел в виду...

Он отчаянно замахал руками. Всё это было придумано, чтобы отделаться от посетителя, а теперь тот ещё и ждать согласился.

— Может, всё-таки тарелку хэчангкука?

— ...Минутку.

А он что, уйдёт, если ему отказать?

Наполовину смирившись, Ын Юль пошёл на кухню. В прошлый раз тот его не узнал, и сегодня даже в лицо толком не смотрел, разглядывал только заведение. Значит, ему самому ничего не грозит. С этими мыслями он вздохнул и неохотно занялся готовкой.

Набрал в миски закуски, зачерпнул из кипящей супницы хэчангкук. Вздохи так и рвались наружу.

— Чёрт, ведь не умрёт он, если не поест. Почему же я не смог его выпроводить...

Прошло уже двадцать лет с тех времён, когда Кан Ха Джун питался раз в день.

— Ладно. Лучше быстрее накормить и спрятаться на кухне.

Тогда бабушка вернётся, и можно будет под благовидным предлогом сбежать за Ха Нылем.

Он поставил обычные закуски и добавил особые, приготовленные бабушкой. Яичницу она обычно не разрешала подавать, велела самому есть, но раз уж на то пошло, он решил выложить всё.

Бормоча себе под нос о том, что Кан Ха Джун теперь богач, который тратит за ночь миллионы, Ын Юль быстро накрывал стол. Поставил сушёную рыбу с пряностями, перепелиные яйца в соусе, любимые Ха Нылем жареные водоросли и квачхи-кимчи. Поднос оказался переполненным.

Перед тем как вынести, он посмотрел в зеркало и специально взъерошил чёлку, стараясь прикрыть лицо.

Вынес поднос и стал выкладывать блюда перед Кан Ха Джуном. Тот следил за его руками, и Ын

Юль чувствовал себя неловко, но решил, что тот просто смотрит, какие закуски подают.

— Приятного аппетита.

— Закусок стало больше. И риса тоже.

— Э... обычно я этим не занимаюсь, не знаю, сколько нужно накладывать... и сколько закусок подавать...

Сжав поднос, он мямлил, всё отрицал: не знаю, не помню. Советы бабушки — класть ровно миску риса и три закуски — напрочь забыл.

— Вот как.

— Ешьте.

Сделав шаг назад, Ын Юль едва слышно пробормотал. И намекнул — «хватит разговоров».

— Кстати...

Кан Ха Джун по-прежнему смотрел в тарелку с супом, но задержал его, будто хотел что-то спросить.

Притвориться, что не слышал? Может, воды подать?

Он открыл шкафчик возле кулера и потянулся за стаканом.

— У вас голос знакомый. Где-то я его слышал.

...Тело замерло.

Пока он не смотрел на лицо, можно было расслабиться, а теперь словно ударили по затылку.

— Мы раньше не встречались?

Да, верно. Голосом вы меня узнали. Я — тот самый омега, с которым вы провели ночь. После чего вы вели себя так, будто между нами что-то было, а потом оттолкнули. Сейчас я никто, подрабатываю в забегаловке с хэчангкуком. ...Но такое сказать нельзя.

Ын Юль сглотнул, повернулся к нему и, игнорируя готовое выскочить сердце, сказал:

— Вы сейчас...

Голос дрогнул, и он осёкся. Реакцию заметили, и теперь нельзя было отмазаться словами «не понимаю, о чём вы».

— Вы что, пытаетесь со мной флиртовать?

Что я только что сказал?!

Он сам не заметил, как вырвалось. Слово оказалось слишком очевидным, глупым, детским и, главное, запретным — из тех, что никогда не стоило произносить. От неловкости сжались пальцы рук и ног, но обратно вернуть уже было нельзя.

— Всего-то два раза виделись, а вы уже спрашиваете, не встречались ли мы раньше...

Увидев, как нахмурились брови Кан Ха Джуна, Ын Юль поспешно добавил оправдание:

— Просто обычно так говорят, вот я и неправильно понял. Простите.

Он быстро налил воды в стакан, протянул и тут же сбежал на кухню. Прижался спиной к стене, тяжело втягивая воздух, словно пытаясь успокоить сердце, готовое выпрыгнуть. Прислушивался к звукам снаружи: запоздалые шаги, скрип стула. Потом послышался звон посуды о посуду. Убедившись, Ын Юль с трудом заставил дрожащие ноги увести его вглубь кухни.

«Если на второй раз так трясёт, то в следующий, наверное, вообще в обморок грохнусь...»

Мысль о том, что он не доживёт до старости, заставила его изо всех сил стараться держаться от Кан Ха Джуна как можно дальше.

Лишившись единственного собеседника, Кан Ха Джун поднял ложку и уставился на хэчангкук. В прошлый раз подали в обычной миске, а сегодня — в глиняном горшочке.

Казалось бы, разница лишь в посуде, а запах уже другой. Он зачерпнул ложкой и попробовал.

Неприятный аромат заполнил рот, словно закружился внутри и спустился вниз. С этой минуты он, наверное, сам пропитался этим запахом — а может, ещё с того момента, как вошёл в заведение.

— Так себе.

Горячий суп, что должен был согреть желудок, показался «так себе». Высокая гора риса, готовая вот-вот рассыпаться, тоже раздражала.

Он взялся за палочки. Кимчи оказалось хрустящим и слишком острым, яичница — слишком мягкой. Всё не нравилось, но он методично жевал и убирал закуску одну за другой.

Пока Кан Ха Джун добросовестно опустошал тарелки, в зал начали заходить люди.

— О, а тут уже посетитель есть?

<http://bllate.org/book/14449/1277805>